

Георгий и Ольга Арси
Дело о секте скопцов. Часть I.
Преступление

Исторический детектив

Георгий и Ольга Арси

**Дело о секте скопцов.
Часть I. Преступление.
Исторический детектив**

«Издательские решения»

и Ольга Арси Г.

Дело о секте скопцов. Часть I. Преступление. Исторический детектив / Г. и Ольга Арси — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962510-6

Книга создана на основании записок действительного статского советника Евграфа Тулина. В бытность сыщиком московской полиции ему пришлось распутать клубок интриг, связанных с похищением секретных чертежей нового оружия. Столкнуться с загадочными смертями, мистикой, обманом и необъяснимыми ситуациями. Противниками полицейского являлись сектанты из общины скопцов и международный мошенник Савин. Роман состоит из двух частей. Входит в состав сборника «Дело о секте скопцов».

ISBN 978-5-44-962510-6

© и Ольга Арси Г.
© Издательские решения

Содержание

От авторов	6
Наши книги	7
Пролог	8
Дело о секте скопцов. Часть I Преступление	12
Глава 1 Сыскная часть и преступный мир Москвы	13
Глава 2 Пожар на Императорском заводе	17
Глава 3 Московские тайные гости. Секта	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Дело о секте скопцов.
Часть I. Преступление
Исторический детектив**

Георгий и Ольга Арси

Корректор Елена Анфалова

© Георгий и Ольга Арси, 2024

ISBN 978-5-4496-2510-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Данный роман рассказывает о событиях XIX века и является первой из серии книг, повествующих о жизни и быте общества этого периода. Сюжет раскрывает деятельность общины скопцов на территории Российской империи, рассказывает о нравах и порядках, верованиях и жестоких ритуалах оскотления мужчин и женщин ради достижения призрачной чистоты духа и тела, с которыми столкнулся сыщик московской полиции при расследовании преступления государственной важности.

В книге наряду с вымышленными героями присутствуют реальные исторические фигуры, активно влиявшие на развитие общества XIX века. Однако авторы не дают им оценку, в отличие от выдуманных персонажей, они только констатируют их историческую роль и события, связанные с ними, импровизируя и предполагая их поведение в духе нравов того времени.

Роман изложен в двух частях: «Дело о секте скопцов. Часть I. Преступление» и «Дело о секте скопцов. Часть II. Наказание».

Авторы не ставили целью создание исторического произведения. Они сконструировали художественное временное пространство, в котором исторические сюжеты имеют прикладное значение для раскрытия замысла книги. В связи с этим степень ответственности за историческую ценность и правдивость книги весьма условна.

Авторы признательны и благодарны русским писателям и журналистам: Матвею Комарову, Владимиру Ивановичу Далю, Николаю Ивановичу Надеждину, Михаилу Александровичу Кальневу, Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину, Владимиру Алексеевичу Гиляровскому. Труды этих замечательных людей помогли изучить нравы и события тех далёких времён и воссоздать прошлое.

Роман был отобран в «короткий список» на премию и экранизацию, из 1500 книг представленных жюри, на общероссийском литературном конкурсе: «Экранизация – 2022».

Посвящается Лежебокову Александру Васильевичу в знак признательности за давнюю дружбу и взаимное уважение.

Текст печатается в авторской редакции и пунктуации.

Наши книги

Серия детективных исторических романов:

Дело о секте скопцов

Клад Белёвского Худеяра

Проклятие старого помещика

Китовая пристань. Наследие атамана Пугачёва

Серия исторических мистических триллеров:

Орден Падшего Ангела. Тайный слуга Люцифера, или Секретарь инквизиции.

Орден Падшего Ангела. Демоны Infernalis, или Мертвецкий лекарь

Орден Падшего Ангела. Поцелуй Люцифера, или Ведьма из Черветери

Серия гангстерских детективных фантастических романов:

Киллер для профессора, или Новая эпидемия чумы

Киллер для клона, или Практическая фрикопедия

Серия детективных иронических романов:

Переполюх на Большой Покровской, или Найдите бабушку

Тайна парка «Швейцария», или Маска маркиза де Сада

Пролог

В полутьме горницы деревянного дома с сенями, хозяйственной пристройкой и небольшим огородом, стоящего на одной из окраинных улиц Тулы, на кровати лежал человек с закрытыми глазами, укрытый тёплым стёганым одеялом. Он сильно дрожал, исподнее бельё и тепло зимнего одеяла не спасали от озноба.

Окна дома были закрыты дощатыми ставнями, входная дверь заперта изнутри на деревянную щеколду. Только на кухне имелось одно окно, неприкрытое ставнями, однако на нём висели плотные шторы, через которые свет практически не проникал внутрь.

Внутри избы было ухоженно и чисто. На кухне в углу стояла обычная крестьянская печь, а у окна – грубый стол со снедью, накрытой полотенцем, и кувшином скисшего молока. На стенах располагалось несколько шкафчиков под немногочисленную посуду.

Вдоль стен залы, на некрашеном полу, частично покрытом домоткаными половиками, стояли грубые лавки. А в красном углу, там, где обычно находятся иконы, располагались кордонные картинки на религиозные темы. Они изображали лики святых, однако почему-то с кинжалами, на белых конях и в белых одеждах до пят. Особо много было изображений ангелов с трубами, исполненных из жести неизвестным мастером. Убранство дома и вешалка с однобортным сюртуком чёрного цвета говорили о том, что живущий здесь человек занимается канцелярским, чиновничьим трудом.

Раздался тихий стук в дверь условной прерывистой дробью, с перерывами и паузами.

Человек откинул одеяло и прислушался, стук затих, но через минуту вновь повторился. Он встал с кровати и медленно, опираясь на стены, прошёл в сени, выполнявшим роль прихожей, а затем к уличной двери. Подойдя, ещё раз прислушался.

– Открывай, Ванечка, это я, Кормчий! – раздался голос с улицы.

– Сейчас, мигом, – ответил человек и отодвинул щеколду.

Дверь открылась, и в прихожую вошёл полноватый мужчина пожилого возраста. По виду гостя, одежде и золотой цепочке от карманных часов, свисающей сбоку, можно было сделать вывод, что он достаточно богат и обеспечен. На его высокомерном, но несколько женоподобном и обрюзгшем лице отражались забота, сострадание, искреннее внимание и неизвестные опасения.

– Ты один, милый Ванечка? – уточнил вошедший мужчина, назвавший себя Кормчим.

– А кому у меня ещё быть? – вопросом на вопрос ответил хозяин избы.

– Записку я получил, только сразу приехать не смог. Пойдём внутрь избы, расскажешь, что стряслось? Какая хворь тебя настигла? – сказал мужчина и прошёл в избу.

Как только гость повернулся спиной к Ванечке, мимика на его лице сразу изменилась. На смену заботе и состраданию пришло брезгливое и пренебрежительное выражение по отношению к хозяину дома.

– Страшно мне, и болит всё, не смерть ли меня ожидает из-за этой кражи, наказал меня Господь за несправедное дело, – заявил Ванечка, закрыв щеколду и вяло следуя за гостем.

Гость, не отвечая на вопрос, вошёл в избу, встал на колени напротив красного угла с картинками святых и начал что-то беззвучно шептать, осеняя себя крестным знамением.

Затем он встал и, посмотрев на хозяина избы, тихо заявил: «Не волнуйся, Ванечка, не переживай, милый мой голубь. Наши образы не оставят тебя в беде, верь им. Ложись в постель, рассказывай о беде».

Больной медленно и дрожа прошёл по комнате и лёг на деревянную кровать, укрывшись одеялом. На лбу появился обильный пот. Кормчий присел рядом с лежащим в изголовье, на табурете, в глубоких раздумьях.

– Говори, Ванечка, что случилось, милый мой, внимательно слушаю тебя, – заявил гость, вытирая пот со лба больного полотенцем.

– Батюшка Кормчий, что со мной? Почему я так плохо себя чувствую? Внутри всё жжёт как адский огонь, о котором ты рассказывал на радениях. Ноги и руки отказывают, голова рывается. Ты же обещал, что этот порошок мне ничего дурного не сделает! – задал вопрос Ванечка в некоторой истерике.

– Не волнуйся, Ванечка, не переживай, милый. Наши образа помогут тебе, в них большая сила. Молись батюшке-искупителю Кондратию и верь в хорошее, сам не заметишь, как всё пройдёт. Помни наставления искупителей, только через труд и страдания можно к вечному счастью прийти, – заявил гость, встал и поклонился углу избы, где находились изображения.

– Плохо мне, Кормчий, не помогают образа. Боюсь умереть. Врача бы мне?

– Ты, Ванечка, не болен, просто переживаешь. Это всё у тебя от нервной горячки. Дело ты сделал нужное, для общины полезное, вовек тебя наши братушки не забудут, – ответил человек, внимательно наблюдая за больным.

– Скажи мне, Кормчий, зачем тебе эти бумаги, для какого дела? – уточнил Ванечка, судорожно облизывая обезвоженные губы.

– Для великого дела они нужны, Ванечка. С этими бумагами мы наше время приблизим, наши враги станут друзьями, а друзья – слугами нам. Появится армия в сто сорок четыре тысячи праведников и сотворит справедливый суд над грешным миром. Верь в это, не сомневайся, – ответил Кормчий.

– Верю! Однако доктор заводской приходил, прислали его с завода. Сказал, что болен я, только чем – не сказал. Обещал аптекаря прислать с настойками и лекарствами, помощь обещал. Что скажешь, Кормчий? Как мне быть? – задал вопрос больной, страдальчески заглядывая в глаза сидевшему возле него человеку.

На безбородом лице гостя ничего не отражалось, ни малейшей гримасы жалости или сострадания. Глаза Кормчего пылливо наблюдали за больным, как будто бы пытались оценить и определить, сколько же ему осталось жить на этом свете.

– Доктор, говоришь, приходил. Смотри, не давай ему себя полностью осматривать, помни о своей тайной печати. Я тебе нашего доктора приведу, общинного, вот он тебе и поможет. Заводского даже на порог больше не пускай. Аптекарю тоже не открывай, все они грешники. Только вред тебе принесут, милый мой Ванечка, – ответил Кормчий.

Вид его был задумчив. На лице на секунду появилась гримаса страха, которая немедленно сменилась на выражение лицемерной любви и заботы.

– Ох, батюшка Кормчий, как же хочется верить твоим словам. Не обманываешь?

– Как можно, Ванечка! Я же тебя с детства знаю, мы же родственники. Я твоим родителям обещал заботиться о тебе! Неужто ты не веришь? Да и слово учителей-искупителей наших спасёт тебя, я верю в это. Ты же печать очищения на себе носишь, она тебя от всякой болезни и горя спасёт. Блажен муж, не сделавший беззакония своей рукою. Дети прелюбодеев, как и семья беззаконного ложа, исчезнут, ибо ужасен конец несправедного рода. Верь, Ванечка, и спасёшься! – заявил человек, называемый Кормчим.

Когда он разговаривал со страдальцем, отвечая на его вопросы, на губах появлялась лицемерная улыбка сочувствия, невидимая в сумраке комнаты.

– Верю, Кормчий, верю, только невыносимо больно мне. А как там на заводе, никто не спохватился?

– Глупые они, грешники вечные, ничего не узнают. Головы у них мирские, без истинного учения и веры. Пойду я, а позднее ночью вернусь с доктором. Жди и не волнуйся, пусть с тобой останутся вера, моё благословение и дух общины. А где бумаги, Ванечка?

– Под столом, Кормчий, в корзинке, накрыты тряпьем, тебя ждут. Верю, жду и надеюсь! – с этими словами больной, не обращая внимания на гостя, впал в обессиленное состояние, а затем в болезненный сон, прерываемый всхлипами и стонами.

Мужчина впервые с некоторым сожалением посмотрел на него. Хотел накрыть вторым, лёгким одеялом, лежащим рядом, на табурете. Для этого он уже протянул руку, но затем отёрнул и брезгливо отвернулся. Подошёл к образам-картинкам, постоял молча возле них, угрюмо взирая и беззвучно, одними губами, что-то произнёс несколько раз. Повернулся и прошёл к столу на кухне, заглянул под него и, откинув тряпье, достал свёрток. Осторожно развернул большое холщовое полотенце, в которое что-то было завернуто. Посмотрел на содержимое – плотную пачку каких-то бумаг. Вновь завернул и осторожно забрал с собой.

«Как вовремя я приехал, этот дурень совсем обезумел. Ещё бы немного, и всё бы провалялось, вся задумка коту под хвост. Жаль его, конечно, но кто же ожидал такого. Надо срочно следы заметать, может, и в ночь сегодня. Ладно, не впервой концы в воду хоронить, и в этот раз всё будет как надо», – думал гость, следуя через избу к выходу.

Уходя, тщательно прикрыл входные двери деревянного дома, затворил калитку забора и вышел на улицу. Сел в экипаж и, внимательно посмотрев по сторонам, отдал приказ: «Трогай. Гони, но в осторожности».

Прошло некоторое время, Ванечка очнулся. Медленно встал, преодолевая боль во всём теле, осмотрел свои дрожащие руки и потное зябкое тело. Лицо передёрнула судорога страха и жалости к самому себе. Ковыляя, подошёл к переднему углу, где имелись образа.

«Как же больно! Все внутренности выворачиваются наизнанку. Кожа стала жёлтой, не стихает боль в животе. Невозможно глотать, болит горло. Всё болит, всё тело ломит. Нет ни одной части тела, чтобы не болела. Что же делать? Кормчий обещал, что всё будет хорошо, а на самом деле всё плохо. Нужен доктор, да где же его взять? Но он же обещал, что всё будет хорошо, и доктора обещал. Должен выполнить своё обещание, он же отец нам, он же тульский Кормчий», – подумал страдалец.

Затем Ванечка встал на колени и начал беседовать с картинками-образами, стоящими в углу. Он говорил вслух, по-своему молился, периодически корчась от боли. Так длилось некоторое время, но лучше от молений не становилось. Желание естественного испражнения организма заставило его отойти от красного угла, выйти из горницы и переместиться в дальний угол холодной прихожей. Там имелось отхожее ведро, предназначенное для этого случая. Дефекация не принесла облегчения. Страдалец развернулся и краем глаза посмотрел на результаты естественного процесса организма, на свои испражнения.

– Ой, ой! – закричал Ванечка от увиденного в ведре.

Лицо его передёрнулось от ужаса. Ведро дымилось, а сами испражнения светились в темноте.

«Как же больно. Где же учитель-Кормчий? Он обещал ночью приехать и помочь. Он сказал, что это дело нужно общине, что это не опасно. А что получилось? Я умираю! Нет, надо верить, Кормчий не обманет. Наступит ночь, и он придет с доктором. Доктор поможет и избавит от болей. Но почему так пахнет чесноком? Я же не ел чеснок! Зачем я согласился на воровство? Вот моя расплата», – подумал Ванечка.

Внезапно он посмотрел на свои руки, на них образовались красные яркие язвы от запястий до плеч. Но это ещё не всё, язвы на руках светились в темноте слабым и неестественно бледным светом. Ванечку поразил страх, невыносимо заболел желудок, страшная боль пронзила голову и всё тело. Страдалец протяжно закричал и упал на пол с затуманенным сознанием.

Некоторое время в его голове, разрывающейся от боли, один за другим следовали образы, меняя друг друга. Вначале появились родители, взирающие на него из глубины небесных облаков, затем кресты на их могилах. Потом неизвестные люди в белых одеждах весело хороводили, веселились и пели. Затем хороводы людей сменились на бег по кругу волков и лисиц,

противно и беспрестанно воющих и дерущихся между собой. Потом животные превратились в яркие огни, быстро кружащиеся вокруг человеческого тела, лежащего на полу в скорченном состоянии.

Сознание и душа окончательно покинули Ванечку.

Дело о секте скопцов. Часть I Преступление

Глава 1 Сыскная часть и преступный мир Москвы

Молодой человек тридцати лет, чистил оружие, любовно протирая каждую деталь. Это был Евграф Михайлович Тулин, бывший офицер российской Императорской армии, а ныне чиновник по особым поручениям сыскной части московской полиции.

Револьверов было два. Первый, Смита и Вессона, шестизарядный с укороченным стволом. Это оружие сыщик предпочитал применять в местах, где было много обывателей и публики. Благодаря укороченному стволу уменьшалась случайность поражения невинного человека. Второй – французский, системы Шарль-Франсуа Галана, Tue Tue. В переводе – «убить-убить».

Евграф Михайлович находился в хорошем настроении от предвкушения встречи с начальником недавно созданной сыскной части Николаем Никифоровичем Струковым, с которым он находился в приятельских отношениях.

Тулин прибыл из Санкт-Петербурга только вчера. После покушения на императора он был откомандирован из Москвы на три месяца в северную столицу для помощи в проведении обысков и облав в отношении членов движений «Народная воля» и «Чёрный передел». Обе организации преследовали цели свержения монархии, однако разными путями. В «Народной воле» собрались оголтелые террористы по своим жизненным убеждениям. В «Чёрный передел» вошли более умеренные революционеры, считавшие главной формой работы с народом агитацию и пропаганду. Тринадцатого марта 1881 года Александр Второй выехал из Зимнего дворца Санкт-Петербурга в Михайловский манеж, где собирался присутствовать на разводе войск по караулам. После развода он изменил планы и маршрут движения, однако это не помешало террористам реализовать свой план. Около пятнадцати часов дня под ноги лошадей, запряжённых в карету императора, была брошена бомба одним из революционеров. От взрыва было ранено из свиты, конвоя и полиции одиннадцать человек, в том числе пострадал мальчик четырнадцати лет, случайно находившийся на месте взрыва. Сам император не пострадал. Охрана уговаривала государя покинуть место взрыва, но природное благородство не позволило это сделать. Государь подошёл к раненым, чтобы помочь им. В этот момент судьба настигла его второй бомбой.

Правящий дом Романовых и возмущённое правительство выработали решение об увеличении полиции, расширении её полномочий. Были приняты гласные и негласные меры по укреплению гражданского мира и спокойствия. Шли разговоры, что, несмотря на противодействие либеральных кругов, к концу года будут приняты государственные решения, направленные на подавление возможных революционных выступлений. В них предполагалось дать особые властные полномочия губернаторам и командующим округами. Общество присмирело, оно начинало понимать, какое непростительное и преступное действие совершило.

Власти действовали решительно и энергично. За очень короткое время все террористические группы были выявлены. Более восьмидесяти активных членов были задержаны, а пять из них повешены на плацу Семеновского полка. Более пятидесяти отправлены на каторгу. Различные сроки уголовного наказания получили и остальные.

– Ваше благородие, господин Струков приглашает! – сказал вошедший надзиратель.

– Что так рано? Шеф, как правило, в это время обычно занимается изучением докладов и донесений за прошедшую ночь. Сводки читает по всяким преступлениям, грабежам и другим неправомерным событиям, произошедшим в белокаменной, – шутливо ответил сыщик. – Я вот револьверы ещё не дочистил. Что-то изменилось, пока меня не было? Отвечай, друг мой!

– Не знаю. У нас всё, как прежде. Начальник с утра был в настроении. Может, соскучился, три месяца вас не было.

– Ладно, не лсти! Знаю я тебя. Соврёшь – не моргнёшь! Иди, иди, сейчас прибуду.

Сыщик встал, собрал разобранные револьверы и положил их в верхний ящик стола. Затем, закрыв дверь кабинета, направился к Струкову.

«Не выдержал! Сам вызвал. Видимо, хочет заслушать по поездке в Петербург. Узнать столичные новости, а может, я грешен, в чем-то нарушил инструкции или уставы при сыске? Либо пришла петиция от прокурора или судебного следователя? Такое бывает часто, на всех не угодишь. То купец пожалуется, то чиновник!» – размышлял Евграф, следуя по коридору.

Помещение сыскной части состояло из кабинета начальника с приёмной, общего кабинета для чиновников по особым поручениям и канцелярии, совмещённой с адресным столом. В адресный стол приводились подозреваемые и совершившие преступления для опознания. Проходя через адресный стол, сыщик заметил, что там было шумно и многолюдно, несмотря на утро. Толстый купец с жалобой на ограбление сердито высказывал своё недовольство волокитой, связанной с заполнением формальных документов. Городской мещанин, видимо, с какой-то кляузой или доносом на соседа озирался по сторонам и прятал глаза от присутствующих по причине неполной потери человеческой совести. Пожилая барыня со страхом смотрела на оборванного и грязного обывателя, задержанного за преступление и доставленного в полицию. стол. Испугалась и забыла, наверное, зачем она здесь оказалась. Евграф не останавливаясь прошёл в приёмную, но оказалось, что у начальника находится какой-то высокий чиновник из военного ведомства.

«Ну вот! Сам вызвал и сам занят! А может, это по мою душу чин? В Петербурге задержанные лица все как один непросты! Дети сановников, дворян, богатых людей, все из семей сильных мира сего! Пожалуй, чтобы уйти от уголовных осуждений или затормозить дела, сейчас жалобы и ходатайства пишут, а их адвокаты усердствуют!» – подумал сыщик.

В ожидании своей очереди входа к начальнику сыскной части Евграф задумался о сложностях и трудностях исполнения полицейского долга.

Чины сыскных отделений были обязаны вести гласный и негласный надзор за преступниками и порочными элементами общества всех мастей и положений. Активно использовать всевозможное наблюдение в местах скопления праздного гуляющего люда – в театрах, церквях, на рынках, в торговых лавках, на базарах и площадях, в гостиницах и питейных заведениях, в общем – везде, где могло быть совершено преступление. В обязанности входило проведение расследований по лицам, заподозренным в нарушении законов Российской империи, в том числе – розыск имущества, на которое было наложено взыскание по долгам. Наведение справок о личностях, которые задерживались участковой полицией на предмет претензии по линии уголовных преступлений или отсутствия паспорта. Надзор полагалось вести секретно, тайно для обывателей и уж тем более – для преступников.

Внимание сыщиков должно быть обращено на все вредные и хитрые действия, которые остаются скрытыми от надзорных органов, на поступки лиц, навлекающих на себя подозрение образом жизни. Под особым вниманием следует держать происшествия и случаи, относящиеся к воровству или его попытке, обману, приёму краденых вещей на сбережение или в покупку, укрывательство подозрительных лиц, беглых и беспаспортных людей, составление подложных бумаг всякого рода.

Права чинов сыскной полиции были значительно выше прав обычных полицейских. Район деятельности сыскной части ограничивался пределами полицейского управления, в которое она входила, то есть города Москвы и предместий. Но по особым задачам с разрешения обер-полицмейстера Москвы расследования, дознания, негласные розыски возможно было проводить по всем российским губерниям.

Тулин стал сыщиком недавно. Став на эту стезю, прежде всего предметно изучил все инструкции и требования законов. Основными руководствами к действиям были Устав уголовного судопроизводства 1864 года и Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1872 года. В них определялось, что сыскная полиция должна была при обысках и выемках

действовать на основании решения суда по представлению прокурора или судебного следователя, который подчинялся прокурору. Это означало, что все необходимые сведения чины уголовного сыска собирают посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах.

Согласно этим документам, судебный следователь, прокурор или товарищ прокурора имели над сыскным чином огромную власть. Так, иной раз следователь или прокурор мог по прибытии вообще отменить все действия, которые были проведены до его посещения места происшествия. Казуистика и путаница полная! Пока всё это учтёшь и выполнишь, иной преступник все следы уничтожит, а может и в бега податься, матушка Россия – необъятная держава, ищи-свищи потом. Денег кому надо передаст на подкуп, тайные связи поднимет. Тогда всё, что делал долгими днями и ночами с риском для жизни, коту под хвост!

Поэтому сыскные чины постоянно хитрили! Например, ссылались на статью двести пятьдесят четвёртую. В ней было сказано, что можно провести допрос, если преступник мог не дожидаться прибытия прокурора или судебного следователя по причине ранения или увечья. Хорошей статьёй для профессиональных уловок являлась двести пятьдесят вторая. В ней говорилось, что если следователя или прокурора нет на месте, то полиция сама может совершить дознание. Согласно этой статье, можно было задержать преступника, а затем послать за следователем. Пока тот доберётся до места преступления, можно было успеть допросить и обыск провести. Самой любимой статьёй была двести пятьдесят седьмая. Эта статья позволяла быстро задержать злодея, однако только в особых случаях. Если тот застигнут при совершении преступления или сразу после него, когда потерпевшие или очевидцы прямо укажут на преступника. Ежели на подозреваемом или в его жилище будут обнаружены следы преступного деяния, служащие доказательством преступления и принадлежащие преступнику. А также когда подозреваемый пойман вовремя или после побега, либо если он не имеет постоянного места жительства.

Сыщик предпочитал всячески извернуться, но сделать так, чтобы один из этих пунктов обязательно присутствовал. По-другому дело просто вести было невозможно, так как преступник на месте не сидел, сыскного чина не ждал, постоянно совершенствовался в своих воровских делах и разных криминальных навыках.

Москва наряду с Санкт-Петербургом, Одессой, Киевом и другими крупными городами притягивала к себе всех более или менее уважающих себя воров. После отмены крепостного права количество преступлений увеличилось в разы. Всё больше и больше происходило имущественных преступлений, грабежей, убийств с целью присвоения чужого добра. Свобода – она на то и свобода, чтобы для всех и во всём. Чины сыскной полиции должны были проводить и профилактику преступлений. Но на это не хватало ни сил, ни средств. Да и как её было проводить, если в одной только Москве были такие районы, которые были недоступны для надзора полиции. Каждый поход в эти злчные места тщательно готовился, как военная операция.

Особо выделялась московская Хитровка. В своё время этот участок земли выкупил генерал-майор Николай Захарович Хитрово и устроил там торговую площадь. Со временем эта площадь обросла ночлежками, трактирами с громкими и колоритными названиями: «Сибирь», «Каторга», «Пересыльный» и другими. Бывало, придёт какой сиделец, сбжавший с каторги в Москву тайно, так прямым делом туда, на эту площадь. Погуляет, поозорничает полгода или год и опять сядет.

На Хитровке царил мир нищих, бродяг, преступников всех мастей и национальностей. В прошлом году там открыли биржу труда, на которую прибывали безработные со всех уголков империи, чтобы найти работу. Многие из них, так и не найдя достойной, пополняли армию преступного мира, заканчивая пересыльным этапом и каторгой.

Преступное царство было чётко регламентировано по принадлежности и промыслу, а также личной матёрости. Так, иваны – это грабители и авторитеты у тюремных и катор-

жан. Храпы, или глоты, помогали иванам, брались за любую работу, если чувствовали выгоду, и были вторыми по авторитету после них. Игроки занимались азартными играми. Вернее, разводом на деньги и имущество пьяных и случайных лиц, веривших в собственную удачу. Огольцы, подрастающее поколение Хитровки, специализировались на мелких кражах с торговых рядов. Поездошники смело прыгали в экипажи и пролётки, быстро хватали у хозяев то, что плохо лежало, затем растворялись в толпе и переплетении улиц. Портяночники воровали по мелочам – шапку, вещицу какую-либо или корзинку со снедью. Ширмачи были способны аккуратно вытащить кошелек. Да так, что иной обыватель замечал это только, когда приходил домой или хотел что-то прикупить. Форточники умело забирались через форточки, затем открывали квартиру и выносили всё ценное имущество. Могли и вылезти обратным путем, предварительно передав самое ценное имущество пособнику. Ну и, конечно, марухи – цветы местной любви, так как без любви не мог обойтись и этот весёлый мир.

На Хитровке можно было купить всё что угодно. В том числе – и любого человека для любой преступной деятельности. Можно было и продать всё, что этой деятельностью добывалось или предполагалось к добыче заранее. Даже за несколько месяцев вперёд, о чём какой-нибудь обыватель и не догадывался, считая имущество своим. Причём совершенно напрасно, так как оно уже было продано, или проиграно в карты, или заложено.

Вторым опасным местом являлась Трубная площадь. Там находился известный публике своей печальной славой трактир «Крым». В этом месте можно было найти любого специалиста преступного мира. Первый этаж был отведён под торговлю, второй и третий – под ресторан, где гуляли шулеры, деловые люди и прочие весёлые и свободные от дел и требований государства люди. Но мало кто из обывателей знал, что под трактиром «Крым» находились ещё два трактира – так называемый «Ад», занимавший часть подвального помещения, и «Преисподняя» – располагавшийся в остальной.

В трактире «Ад» публика была посерьёзнее, обычный обыватель туда не заглядывал. Попытка пройти без надлежащих оснований для обычного человека могла закончиться увечьями или смертью. Ещё сложнее было попасть в трактир «Преисподняя», туда допускались по особым словам, по знанию в лицо. Там собирались основные вожаки преступного сообщества, разрабатывались новые большие криминальные дела, шла игра в карты по-крупному. На кону могли быть деньги в десятки тысяч. В этом заведении сеть ходов и подвальных помещений позволяла уйти от любой полиции.

Евграф в этих криминальных местах бывал несколько раз, но только с облавой. Ради профилактики и наблюдения – ни разу. Дело было очень опасным и требовало личного разрешения Струкова. Прежде чем решиться на такое, нужно было создавать систему подстраховок.

Свои особенности имели Марьино роща и Грачёвка. Там процветали воровские порядки, находили прибежище воры всех мастей. Но Грачёвка была особой, там были самые дешёвые притоны, собрались почти все самые прожжённые женщины легкого поведения под охраной знающих жизнь и преступный мир «котов» – сутенёров. Те не только эксплуатировали их по женской натуре, но и через них выискивали клиентов для ограбления.

Основное количество преступлений происходило в праздничные дни. Как правило, местные деловые люди готовили наживу, выбирали богатых и неосторожных купцов, мещан, замыслили мошеннические схемы. Приезжие ухари-налётчики захватывали эту наживу и в дальнейшем, естественно, делились с местными.

Все эти места были самой большой головной болью сыскной части. Все знали, что ворованное имущество и всевозможный преступный люд надо искать именно там. Только проникнуть туда было сложно, да практически невозможно. Если и заводился какой агент, то жил он, как правило, недолго и умирал не своей смертью, а с чьей-то помощью. Нетрудно догадаться, с чьей!

Глава 2 Пожар на Императорском заводе

Николаю Никифоровичу Струкову было пятьдесят пять лет. Ранее он служил частным приставом одного из семнадцати районов Москвы. Первым начальником сыскной части был назначен недавно и ещё не привык к должности.

В штате сыскной части было всего тридцать восемь чиновников, надзирателей и помощников на всю восемьсот тысячную Москву, с жителями и приезжими.

Тулин и Струков были знакомы около трёх лет. После ухода с военной службы в звании штабс-капитана Евграф был принят в управление московского обер-полицмейстера на должность, предусматривавшую присвоение статского чина титулярного советника.¹

Через некоторое время его благополучно получил, что соответствовало его предыдущему армейскому званию. По долгу службы ему приходилось заниматься расследованиями уголовных преступлений. Часть города, которой руководил пристав Струков, была одной из самых криминальных и активных по части уголовных деяний, поэтому служебные встречи были нередкими.

Николай Никифорович родился в Малоярославце Калужской губернии. Карьеру свою сделал трудом и риском, самодурством и высокомерием не страдал. Струков имел статский чин коллежского советника, соответствовавший шестому классу согласно «Табели о рангах», в армейском звании – полковнику пехоты или гвардии, что требовало обращения: «Ваше высокоблагородие». Несмотря на то что чин самого Евграфа соответствовал всего лишь девятому классу и армейскому званию штабс-капитана, это не повлияло на человеческие отношения между ними, общались они без условностей.

Когда вновь образованное сыскное отделение возглавил Николай Никифорович Струков, он сразу завёл строгие порядки. Требовал от всех на службе и вне службы вести себя скромно и прилично. Быть уживчивым по отношению к товарищам, с публикой быть вежливым, предупредительным, готовым всегда помочь пострадавшим, в особенности – от действий злонамеренных лиц и всякого рода злодеев. Вознаграждения и подарки принимать от частных лиц, которым были оказаны помощь или содействие в достижении правоты, было запрещено. Бесплатно ходить в увеселительные учреждения, где обычно собиралась всякая праздная публика, если это не вызвано делами розыска, поиска преступников и всяких злонамеренных лиц, Струков тоже запретил. Бесплатно ездить на извозчиках можно было только на основе специальных служебных билетов и в целях служебной надобности. В отношении скромности, взаимоуважения, помощи попавшим в беду всё было понятно и предельно ясно. Однако в отношении вознаграждения и бесплатного посещения публичных мест, использования извозчиков всё было сложно. Уголовный сыск требовал растрат. Как посетить трактир с целью негласного наблюдения и не потратиться? Как быть на празднике в окружении публики с целью розыска преступника и представить билет в театр, приобретённый полицейским управлением? Как незаметно доехать до нужного тайного места, предъявив извозчику служебный билет? Никак!

Подобных поворотов казуистики было предостаточно. Поэтому все делали вид, что неуклонно соблюдают установленный порядок, но делали по-своему. Каждый крутился как мог.

Сам Струков ходил в форменной одежде, того же требовал от своих помощников по особым поручениям, за исключением работы по делам сыска, и с этим приходилось мириться. В остальном начальник был молодец, служащих от нападков прокурора оберегал и защищал, всячески заботился.

¹ Титулярный советник – гражданский административный чин, соответствовавший армейскому званию штабс-капитана пехоты или кавалерии.

Пока Тулин придавался размышлениям, время прошло незаметно. Наконец-то дверь из кабинета начальника открылась, и из помещения вышел армейский полковник. Осмотрел строгим, надменным взглядом вставшего Евграфа, как бы оценивая на степень умелости и способности. С этой целью он даже остановился напротив него. Затем повернулся к Струкову, попрощался и ушёл.

– Заходи, Евграф Михайлович! Рад видеть! Я вначале вызвал тебя для отчета по поездке в Санкт-Петербург, но гость все планы перепутал и работы подкинул! Появился как снег на голову. Но, думаю, что за неделю управишься, – интригующее заявил он, пропуская Тулина перед собой в кабинет.

– Что за гость такой серьёзный и загадочный? На меня посмотрел, как купец на приказчика, – уточнил сыщик.

– Да, полковник из военного ведомства. С поручением от начальника главного оружейного управления. Вот поэтому и важный, на кривой козе не объедешь!

– Это и видно, штабной! – с сарказмом заметил Тулин.

– Сейчас расскажу. Давай чайку выпьем, недавно заварил свежего иван-чая. Сейчас модно говорить – копорского, для армейского гостя. А гость отказался! Ну и хорошо, сами выпьем!

Налив чаю обоим, Струков продолжил: «Так вот, дорогой Евграф Михайлович, в Туле большое происшествие! Дело какое-то тёмное, с большими последствиями. Что и как, гость не сказал. Скажу честно, обеспокоен лично начальник главного оружейного управления, и обер-полицейстер в курсе событий. Скорее всего, через час или другой узнает и военный министр».

– Очень загадочно и интересно, – удивлённо заявил Тулин.

Отпив чаю, Николай Никифорович продолжил: «У них там произошёл вчера пожар в правлении завода. Ущерб малый, однако сам начальник Императорского завода генерал Василий Николаевич Бестужев вышел с ходатайством помочь ему в расследовании. Очень взволнован. И дело совсем не в пожаре, а в утере каких-то документов, имеющих весьма серьёзное значение для оружейного дела. Просит самого лучшего сыщика, непременно из Москвы. Кроме того, надёжного и порядочного, умеющего язык за зубами держать. Вот по этому вопросу полковник и приехал. Распорядительную промеморию привёз за подписью начальника главного управления и обер-полицейстера».

– И что там, в промемории? – уточнил сыщик.

– В этой самой промемории предписано оказать полное содействие главному оружейному управлению и тульскому заводу в лице генерала Бестужева-Рюмина. Своей сыскной части у них пока нет, и неизвестно, когда введут. Почему в полицию не обращаются, сказать не могу, может, тайну хотят сохранить? Отказать никак не могу, тем более, когда такие вельможи просят помочь! Согласен с моим мнением? – уточнил Струков.

– Согласен. Уважение и почёт нам всегда нужны! Только здесь, в Москве, кто сыском заниматься будет? Я все понимаю, только в толк не возьму, причём тут пожар, похищенные документы по оружейному делу и наша сыскная часть. Где мы, а где Тула с оружейным заводом? Мы же должны заниматься только уголовными преступниками и всякими порочными деяниями в белокаменной, – уклончиво ответил Евграф.

– Не учил бы ты, Евграф, отца на рыбалку ходить! Я как могу обер-полицейстеру отказать? При его активном содействии сыскную часть создали. Нам его расположение как воздух нужно, а он друг Бестужева, а тому сор из избы выносить не хочется. Обойдёмся как-нибудь без тебя. Три месяца прожили же как-то? Ох, и самомнение, однако! Не строй из себя кисейную барышню, не могу и не хочу, не позволю! Поэтому собирайся и поезжай сегодняшним поездом, – несколько раздражённо заявил Струков.

– Что с командировочными, честно сказать, поиздержался в Петербурге. На что жить? Весь в долгах! А в Туле, возможно, розыск активно придётся вести! Опять же проживать где-то нужно согласно чину. Авторитет столичного уголовного сыска поддерживать.

– Поиздержался! Авторитет поддерживать! В долгах! – засмеялся Струков. – Ох и жуку ты, Евграф. Небось на дам все деньги потратил. На Невском, наверное, дорого сейчас дам выгуливать? Не волнуйся. Командировочные получишь на неделю. Кроме того, генерал Бестужев обещал все затраты компенсировать сполна за счет завода. Выезды в Туле обеспечит личным извозчиком.

– Скажите, а кто в Туле начальник жандармского управления, и как с ним отношения строить? Что мне делать с прокурорским и судебным следствием, если придётся действовать быстро и тайно? – уточнил Евграф, обеспокоенный предстоящим заданием.

– Жандармское управление возглавляет генерал Муратов Александр Иванович. Он там уже много лет, не одну собаку съел в своей работе. Человек сложный, всю жизнь в жандармском корпусе. Губернию в руках держит, там революционеров, всяких бунтарей особо нет. Спокойная губерния. Но хитёр, как лис. Приятельствуют с начальником завода, поэтому Бестужев всё решит, со всеми познакомит. Ну, и не мне тебя учить с твоим опытом, как вводить в заблуждение надзирающие органы при необходимости.

– Хорошо, – вздохнув, сказал Евграф. – Уговорили, ваше высокоблагородие. Есть в ваших словах могучая полицейская правда. Какие ещё особые начальствующие указания будут?

– Не юродствуй, будь осторожен в общении. Хотя Тула – город не перворазрядный, но знатных фамилий там много. Никогда не знаешь, на кого и на чьи интересы наткнёшься. Поэтому и особое отношение к тулякам! Много земель в губернии принадлежало ещё первому нашему царю из рода Романовых – Михаилу Федоровичу. Избаловал их и государь наш, покойный Пётр Алексеевич в свою бытность, упокой его душу, Господи! Поднялись да взлетели многие, – заявил Струков и перекрестился.

– А кого больше опасаться и избегать? – уточнил с улыбкой Евграф.

– Это уж тебе решать, если впросак попасть не хочешь. Там проживают и бывают в губернии семьи многих вельмож. Некоторые имеют прямой выход на государя. Шутка ли, после Петра Первого более трёхсот промышленников и купцов в серьёзные люди выбились. Со многими лучшими домами России породнились, в первых людях империи значатся и влияние на обе столицы имеют. Глаз да глаз за ними нужен, самовольны весьма!

– Что, так и передать генералу Бестужеву? Что за ним глаз да глаз нужен!

– Всё тебе хиханьки. Когда ты серьёзным станешь, одному Богу известно. Смотри, амуры не крути!

– Так это мне и нужно! Может, и женюсь как раз на какой-нибудь тульской княгине. Кривоногой и кривой! Но главное, чтобы деньги были, на то жалование, которое вы мне платите, скоро ноги носить будет нельзя! А по внешнему виду скоро с хитровскими обитателями сравняюсь. В трактир «Ад» в любое время пускать будут, – засмеялся Евграф.

– Не забывайся, титулярный советник. Это не я плачу, милостивый государь, и ты не приказчик у меня в лавке. Это тебе министерство платит! – подняв правую руку с указательным пальцем вверх, к потолку, сказал Струков. – Так что все претензии к министру. Пей чай, бывший штабс-капитан, и не шути так.

– Что касается твоих амуров, популярности у одиноких и обеспеченных дам, то все знают о твоих поклонницах. Пока сыском в Туле заниматься будешь, и мы от тебя отдохнём. Вернее, от твоих дам сердца!

– Неужели эти поклонницы беспокоят сыскное больше, чем все подозрительные и беспаспортные лица Москвы?

– Меня не беспокоят, а общество наше волнуется, судачит, о тебе слухи ходят как о Дон Жуане! Пока ты в Петербурге службу исполнял, ни одной не было на горизонте. Кстати, как они поживают? По-прежнему пирожками прикармливают?

– Николай Никифорович! Полно меня упрекать в том, в чём я не виновен и умысла никакого не имел. Дурь на дам напала, вот и взбесились почём зря!

– Хорошо, убедил. Однако собирайся и сегодня же выезжай, пока твои поклонницы не узнали, что приехал. Тебе все карты в руки, увидишь малую родину. Да и дело, я думаю, простое и нехитрое. Разберёшься в три-четыре дня.

– Хорошо, ваше высокоблагородие. Вы имеете дар убеждения, – улыбаясь, ответил сыщик.

– Два дня даю дополнительно на отдых. В том числе на поиск подходящей княгини, хромой и косой. Таких долго уговаривать не надо, сразу замуж выйдет, как только узнает, что ты с сыскной части. Итого почти неделя. Только смотри, чтобы потом самовары с чаем по ночам не предлагали в окна полицейского управления.

– Вот вам, Николай Никифорович, все неймётся. Вроде бы и закончили, нет же, опять вспоминаете старые истории! Все эти басни – полная выдумка болтливых и бездельных чиновников полиции. Я этих дам уже давно не видел и в их присутствии не нуждаюсь. От вдовы генерала съехал, когда в Санкт-Петербург был по службе направлен. А чтоб вы знали, Николай Никифорович, Дон Жуан – это придуманный герой! Вот был такой итальянский дворянин Мигель де Маньяра, у него действительно были победы у 640 итальянских, 100 французских, 231 немецкой, 91 турецкой и 1000 итальянских дам.

– Ты, я чувствую, такими темпами тоже скоро станешь Евграфом де Маньяром! – ответил Струков.

Дело в том, что Евграфу не везло с хозяйками съёмных квартир. Вернее, более чем везло, но по-своему. Переехав в Москву после военной службы, он вначале снял дешёвое жильё – комнату с обслугой и самоваром за сорок копеек в сутки. Прожив около года, Евграф понял, что Марья Ивановна, сорокалетняя женщина пятипудового веса, испытывает к нему явно не материнские чувства. Евграф появлялся в своей комнате редко, пропадая на службе, и вначале это явно устраивало хозяйку. Но вскорости всё изменилось. Вначале она предложила ему столоваться у неё бесплатно, из уважения к его службе. Евграф согласился. С этого всё и началось. Купчиха начала кормить его всё лучше и лучше, пытаясь угодить изысками купеческой кухни. Но этим дело не закончилось.

Через месяц стала приезжать в полицейское управление с пирожками, когда он не появлялся к столу. Тулин вначале избегал купчиху, но поняв, что это не изменит ситуацию, решил съехать с квартиры. Съезжал он под плач Марии Ивановны, которая упрекала его в бездушии и бесчеловечности. Злые языки шутили в полицейском управлении о том, что иногда они вечером видят плачущую тень купчихи, которая протягивала самовар и блюдо с пирожками то в одно, то в другое окно полицейского управления в поисках Евграфа. Не находя его, тень, страдая, вытирала слёзы подолом платья, а зимой – рукавом собольей шубы.

Второй раз он поселился в меблированной небольшой квартире доходного дома вдовы отставного генерала Корнюшина за семьдесят копеек в сутки, без столования и самовара, но с обслугой. Квартир всего было восемь. В одной, большой и хорошо отремонтированной, с отдельным выходом, проживала сама Анна Алексеевна с двумя дочерьми. В остальных жила публика разная, но приличная – чиновники и отставные военные. Хозяйке, вдове генерала, было за пятьдесят. Она благосклонно приняла нового жильца, а когда узнала, что он служит при полицейской части, снизила квартирную плату сразу на десять копеек. Как потом понял Евграф, в этом был свой особый коммерческий интерес. После этого доброго подарка всем жильцам было рассказано о том, что он из полиции. Наверное, для того чтобы обеспечить в доме порядок среди жильцов. Все усилия Евграфа по сокрытию своей службы, а он прихо-

дил в квартиру исключительно в гражданском платье, не бравировал местом службы и родом деятельности, оказались тщетными. Но это было только начало.

Анна Алексеевна была женщиной строгой и педантичной, как положено вдове генерала, и имела двух дочерей. Одной было двадцать шесть, а другой – двадцать восемь лет. По обыкательским нравам, уже начинали считаться старыми девами. Евграф ощутил опасность, когда его пригласили на вечерний чай к вдове, где ему представили обеих. Нельзя сказать, что они были дурны, совсем нет. Но свобода была ему дороже. Он начал избегать общения с хозяйкой дома. Через несколько дней она, как положено жене генерала, перешла в наступление. Однажды, возвращаясь домой, Евграф увидел её гуляющей с собачкой возле дома в слишком позднее время. В этот час прогулок раньше не было, увильнуть не удалось. Увидев его, вдова сразу пошла в атаку.

– Евграф Михайлович, милый, здравствуйте! Почему так долго? Не бережёте себя? А я знаю, почему вы так поздно возвращаетесь с работы, потому что вам просто одиноко.

– Да нет, Анна Алексеевна, совсем нет. Дел много, скучать недосуг, – ответил насторожившийся Евграф.

– Вы такой положительный мужчина! Занимаете достойную должность в полиции и потомственный дворянин. Так молоды, но уже титулярный советник!

Евграф от слов генеральши насторожился ещё больше.

– Вам просто одиноко, нет родного гнезда. Вам надобно жениться! Я же вижу, что одна из моих девочек вам нравится. Ну же, смелее, Евграф, решайтесь. Вы же смелый мужчина! – сказала она, строго смотря на Евграфа, так что даже собачка присмирела и тоже, как показалось сыщику, с укоризной на него посмотрела.

Он еле ушёл, сославшись на недомогание и усталость. Поняв, что наступление на его холостяцкую жизнь началось, решил немедленно искать новые апартаменты. Но он недооценил генеральшу. Новая атака началась к концу недели. Евграфа вызвал товарищ обер-полицмейстера Москвы и отеческим тоном пожурил за несерьёзность жизни, полное отсутствие ответственности перед Богом и обществом за создание семьи. Очень долго он рассказывал о порочности холостяцкой жизни, и Евграф понял, что вляпался, и генеральша ввела в бой резервы. Неожиданно судьба спасла его и от Анны Алексеевны, и от товарища обер-полицмейстера. Спасло его то, что он по служебной необходимости отправился в Петербург для оказания помощи местной полиции. Сам он квартиру не сдавал, не решился, направил младшего чина рассчитаться за проживание. Тот же забрал и вещи. Теперь он надеялся, что по прошествии трёх месяцев генеральша нашла новый объект для атаки. Забыла про него, но опасения так или иначе душу терзали.

– Давайте с Тулой закончим. Как съездил в Санкт-Петербург, всех ли народовольцев выявил совместно с коллегами?

– Как их всех переловишь! У них своя философия, которая помогает им выживать в любых условиях, да хоть революционера Нечаева взять, что он заявляет? Он проповедует, что у каждого идейного борца с царизмом должно быть под рукою несколько помощников, непосвящённых во все дела. Ими нужно умело пользоваться. На них нужно смотреть как на часть человеческого капитала, отданного в его распоряжение. Каждый настоящий революционер должен умно тратить этот запас. Когда товарищ попадает в беду, надо взвесить пользу, приносимую им, с одной стороны, и трату сил на его спасение – с другой. Как выгодно, так и поступить! Хочешь – и спасёшь, хочешь – и нет.

– И что же, их самих это пренебрежение к самим себе не сердит, не обижает и не унижает? Ты же на них насмотрелся в столице, на революционеров этих, что скажешь? – уточнил Струков.

– Нет, не унижает. Сами видите, покушение удалось. Исполнители, несмотря на угрозу смертной казни, нашлись!

– Покушение – это большие деньги и интересы многих богатых домов, сообществ, всяких сект. А философия – это мысли общества!

– Как хотите, рассуждайте, но к обществу они пренебрежительно относятся, хотя общество этого и не замечает, а отдельные члены, болеющие революцией, только хлопают в ладоши, не понимая, что их ждёт!

– Это ты опять о Нечаеве? Где ты этого понабрался, что, читаешь запрещённую литературу? – засмеялся Струков.

– Я много чего читаю для пользы дела, и запрещённую тоже. Да хотя бы опять же Нечаева взять. По его словам, общество состоит из разных категорий.

Первая – это те, кто обязательно должны быть осуждены на смерть. Причём, по его мнению, прежде всего, погибнуть должны именно те, кто наиболее опасен для революции. Чья смерть нагонит страх на правительство и общество.

Вторая – те, кто помогает революции своей глупостью и жадностью, доводя народ до крайностей поведения против власти.

Третья – личности без мозгов, но со связями, властью и большими деньгами. К ним отношение особое. Нечаев советует их шантажировать, овладев их грязными секретами, а потом доить как дойных коров.

– Дальше угадаю сам. Четвёртая – всякие карьеристы, которых можно использовать в своих целях. Пятая, и самая лучшая, они сами – главные разрушители. Но тоже, наверное, по категориям: болтуны и лидеры террористов. Причём болтунов необходимо поймать на каких-то тайнах и скомпрометировать, чтобы возврат к обычной жизни для них был невозможен. Так? – уточнил Струков.

– Почти правильно! Откуда знаете?

– Опыт, милейший, опыт. А что про дам-с данный революционный философ говорит? Как их делит по категориям? Обычно их делят по красоте, деньгам и уму! – поинтересовался Струков.

– У него совсем другой взгляд на женщин, у него их три группы. Первая – глупые, но с возможностями в обществе и высоким неоправданным самомнением. Ими можно пользоваться как третьей и четвертой категориями мужчин. Вторая – преданные, способные, но не дошедшие до истинного понимания общего дела, их он приближает к пятой категории. И, наконец, последняя – настоящие товарищи, принявшие всем сердцем дело разрушения общества.

– Ладно, устал я от твоего напора и твоих категорий. Пусть их жандармское управление изучает. Результат каков, удалось искоренить заразу?

– Не уверен, они очень хитры и умны. Линия поведения у них очень простая. Проникнуть во все сословия и присутственные места, затаиться и ждать сигнала для действий, потихоньку разрушая систему внутри. Сколько их, этих революционеров, и где они засели, никто, кроме них самих, не знает, – доложил сыщик.

– Жалко государя, какие реформы провёл! Отменил крепостное право, провёл финансовую, земскую, судебную и военную реформы. Да много чего сделал! И вот тебе благодарность народа, смертельное покушение, – вздохнул Струков.

– Я с вами согласен, меня не убеждайте! – ответил сыщик.

– Ладно, хватит о них, пусть жандармское с ними разбирается. Нам до себя дел много. О себе надо подумать, расскажи, как там у них в сыском?

Евграф с удовольствием перешёл на новую тему разговора.

– Видите ли, Николай Никифорович, само существование Санкт-Петербургской сыска с 1866 года создало особую школу сыска, которой у нас пока нет. Но я уверен, что под вашим руководством обязательно будет!

– Не лести старику, не поможет тебе! Но продолжай, очень интересно! – заявил Струков с довольной улыбкой.

Евграф продолжил: «В Санкт-Петербурге накоплен огромный опыт, знания передаются от старших к младшим. Раскрываемость – половина преступлений, а то и больше. Наши соседи активно привлекают негласных агентов, которых у нас пока почти нет. Эти агенты есть везде: в гостиницах, трактирах, на постоянных дворах, вокзалах, базарах, банках и торговых рядах, местах проживания и работы проституток. Да и сами проститутки иногда поставляют информацию. В общем, везде, где есть возможность. Через этих агентов и получается информация о членах шаек. Кроме того, налажена система доносов, справок от различных лиц, преследующих свой корыстный интерес, сбор слухов через дворников и швейцаров. На каждого чиновника по особым поручениям замыкаются три надзирателя, каждый надзиратель имеет до десяти агентов и двадцати осведомителей. Кроме того, у чиновников по особым поручениям свои агенты и свои осведомители для контроля надзирателей».

Евграф не стал говорить о том, что начальник имеет своих агентов и осведомителей для наблюдения за чиновниками по особым поручениям. Он подумал, что незачем старику знать такие тонкости сыскной работы, а то ещё надумает внедрять их у себя, возьмёт всех под колпак, в том числе и Евграфа. Он и так непрост. Не зря занял эту должность.

– А кто же у них негласными агентами работает? Денег-то на это немного отпускается. Кто ж головой рисковать будет бесплатно? – спросил Струков несколько удивлённо.

– Когда как, Николай Никифорович, кто за совесть, кто из мести, кто по принуждению, кто за прощение мелких грехов и преступлений. Кто за вознаграждение, а кто – назло соседям и товарищам по службе. Они всех слушают да привечают для пользы дела. Из всего этого вороха информации выбирают главное и нужное в данный момент.

– Значит, всё по-прежнему. Или на голой вере, или на человеческой подлости, – задумчиво заявил Струков.

– Самое главное, что в Петербурге есть лаборатория, которой ещё нет нигде в России. Эта лаборатория может исследовать орудия и предметы преступлений, жидкости, припасы, документы и многое другое.

– Ну и зачем это баловство новомодное?

– Не скажите! Например, лабораторная экспертиза может дать ответ, есть в пятне на одежде кровь или нет? Человеческая это кровь или животного, женская или мужская. Был отравлен пострадавший, или умер сам. В общем, многим может помочь для расследования.

– Ну, а ещё что нового у северян?

– Ещё имеется хорошая картотека фотографий преступников и личных данных – роста, веса, особых примет, ну и всего другого, что позволяет опознавать преступников при повторном совершении преступлений ими. Для розыска лиц применяются розыскные листки, которые раздаются всем заинтересованным. Активно используются телеграммы в губернские города для ускорения розыска. Нам надо тоже немедленно создавать свою картотеку. Да всего сразу не расскажешь. Я подробный отчёт подготовил, в канцелярии оставил для вас.

– Да, нам этот опыт надо перенимать, иначе как работать. Ладно, поезжай, время не терпит. Хоть и приятно с тобой поговорить, новости петербургские узнать, но надо дело делать. Я тоже поеду нынче к обер-полицмейстеру, денег просить. Обещал он мне на развитие сыскной части. Да и к окружному прокурору надо заехать, доложить ему по планируемым облавам на Хитровке. С Богом! Поосторожней там в Туле. Если помощь понадобится, могу пару слушающих в твоё распоряжение откомандировать, – закончил разговор начальник сыскной части.

– И вам, Николай Никифорович, удачи. Если что, телеграфирую. Честь имею, до доброй встречи! – сказал Евграф, встал и, откланявшись, вышел.

Глава 3 Московские тайные гости. Секта

На одной из московских улиц расположился богатый трёхэтажный дом купца Непогодина Артемия Афанасьевича. Несмотря на вечер, окна особняка горели огнями. Каждые десять минут к дому подъезжал новый экипаж. Из различных колясок высаживались дородные гости купеческого вида, в хорошей одежде, со слугами и без них.

Далее они в сопровождении встречающего их дворецкого входили в богатый дом. Там снимали верхнюю одежду, головные уборы в просторной прихожей и проходили в большую гостиную с камином.

Интерьеру гостиной мог бы позавидовать любой дворянский особняк с богатыми историческим наследием, звучной фамилией и древним гербом. Окна были украшены тюлевыми, кружевными занавесками. Возле стен, обшитых панелями из дуба, стояли мягкие диваны, декорированные бронзой и перламутром. Стены украшали многочисленные фотографии в дорогих и красивых рамках, большие зеркала. В центре комнаты стояли небольшие круглые столики со стульями вокруг них. На каждом из них имелось угощение – соки в красивой стеклянной посуде, небольшой самовар с чайными чашками, варенье и сладости. Между столиками сновали слуги, предлагающие гостям угощение.

Были они как на подбор – молодые, от двадцати до двадцати пяти лет, высокие, щеголеватые, с тонкими голосами и женоподобными лицами. Прибывшие гости тоже были похожи друг на друга манерой поведения, телосложением и общими чертами безбородых, широких лиц с дряблой кожей.

Однако одежда была дорогой и безукоризненной, так как шилась у лучших портных. У всех присутствующих имелись золотые часы-луковицы и массивные перстни. На шеях были повязаны белые платки, обозначающие чистоту помыслов и жизни.

Первым делом по прибытии в дом гости по одному проходили для конфиденциального разговора в кабинет хозяина особняка, поднимаясь на второй этаж по специальной лестнице. При каждом был свёрток, видимо, с деньгами. Задерживались они там ненадолго, затем спускались вниз, в гостиную. Для того чтобы очередь не нарушалась, гостей сопровождали специальные слуги, приглашающие их на аудиенцию.

В гостиной дорогие немецкие напольные часы пробили девять часов вечера. Дверь кабинета широко открылась. Вышел сам хозяин дома, купец Непогодин, и начал гордо и торжественно спускаться по лестнице к общему собранию.

Было ему около шестидесяти лет. Вся Москва знала о его богатствах и больших доходах. Денег на обустройство общественных мест он не жалел, поэтому числился в известных благотворителях. Лицо его, безбородое и дряблое, с обвисшими щеками, выражало саму любезность и радость от встречи с давними товарищами. Руки были заведены за спину, отчего большой живот казался ещё более огромным.

– Все в сборе, рад, рад! Ещё раз здравствуйте, милые мои голуби, уважаемые купцы. Прошу ваше степенство отужинать. В столовую, друзья мои, братушки, в столовую. Там и обсудим все общие вопросы. Всё уже накрыто, всё ждёт вас, други сердечные, – громко заявил купец первой гильдии и пригласил жестом гостей в следующее помещение.

Гости степенно прошли в столовую. Спокойно, с чувством высокого достоинства, заняли места без разделения по чину. Видимо, все они были равными между собой. Хозяин не присел, но занял центральное место во главе.

Большой стол на десять человек был заставлен различными блюдами. Здесь были рыбные паштеты, различная холодная рыба, соленья, белые грибы в сметане, пирожки, ананасы, дыни, персики и многое, многое другое. Только мяса и мясных продуктов не было. Красиво возвы-

шались дорогие сосуды, только не с вином, а с чистой водой и напитками. Все сели, и установилась тишина.

– Братушки-братики, белые голуби мои ненаглядные, предлагаю вспомнить батюшек наших главных. Селиванова Кондратия Ивановича, Шилова Александра Ивановича, которые не умерли, а вознеслись на небо. Прочсть наставления их, – нараспев провозгласил Артемий Афанасьевич.

Гости встали и приготовились слушать. Лица у всех собравшихся были серьёзные и высокомерны. Слуги, сновавшие по столовой, замерли там, где кто стоял. В доме наступила тишина.

Артемий Афанасьевич оглядел присутствие и начал говорить с глубоким чувством переживания, нараспев, то повышая, то понижая голос: «Завещал наш Великий Кормчий, белый голубь, Кондратий Иванович, о жизни и вере в своих заповедях. Все их знают, да давайте вспомним вновь некоторые слова нашего искупителя.

Во-первых, живите чистотой и работайте со страхом, радуйтесь с трепетом и осторожностью. Завистников много, и они везде.

Во-вторых, будьте готовы к наказанию за грехи, учитель всё видит. Принимайте наказание нашего учителя-искупителя за благо. Имейте между собой искупительную любовь, веру друг другу, делитесь советами. Верьте учителю-искупителю, он говорил: «Где любовь, там и Бог. Где совет, там и свет».

В-третьих, бойтесь женской лепости и не заглядывайтесь, братия, на сестёр, а сёстры – на братьев. Удалите ключи ада, данные мужчинам в наказание, и жизнь ваша станет святой и сладкой. Ибо присутствие похоти и желания является грязным.

В-четвёртых, не входите в праздные разговоры. От этого не столько душе подмога, сколько внутреннее смятение и тревога. Поэтому при беседах надо со страхом и трепетом нашу службу и веру продолжать. Так надо от чужих людей молчать, как будто бы в гробу лежать.

В-пятых, не за лепостью умом своим бежать, а чистотою мыслей думы украшать. Как говорил и завещал наш Великий Кормчий: «Лепость человеческой душе пагубна». Лепость, яко вселютейший змей, всю вселенную пожирает, к вере не подпускает и от веры отвращает. Мучили и лютовали над нашим учителем. В городе Туле распинали его, голову сургучом обливали. В других местах, тюрьмах и ссылках, издевались над плотью его, а он ради нас страдал. Сто тюрем обошёл, а нас нашёл и к вере привёл. Будем, братики сердечные, верны ему. За дело наше верное не страшитесь ни темниц, ни кандалов. Тайн наших никому не рассказывайте, тому и учеников своих учите. Помните всегда – при ходьбе поворачивать направо, если в этом необходимость имеется. Так как наше дело правое, а если не получится, то замолить такую ошибку как можно скорее нужно. В этом большой смысл укрыт. Вина не пейте, мяса не ешьте, мирских песен не слушайте, ругательных слов не произносите. Имени дьявола не говорите. А уж если необходимость будет, заменяйте это имя словом «враг». Отвечайте, братушки, как учителя велели».

Общество, находящееся за столом, громко пропело:

«Прости нас вся небесная сила, прости земля, прости солнце, простите звёзды, простите озёра, реки и горы, простите все стихии небесные и земные. Мы, заграничные воины небесного царя, постоянно, днём и ночью, исполняем волю учителей-искупителей».

– Приглашаю к столу. Друзья, братушки мои, предлагаю начать с ушицы из стерлядки. Вносите угощения для дорогих гостей, разлюбезных наших белых голубей, – приказал слугам хозяин после совместной скороговорки.

Гости одобрительно зашушукали, слуги засуетились. Внесли уху в фарфоровых супницах, разлили по тарелкам.

– Вино нам в тягость. Не наш это напиток, а срамных людей, жизнью обиженных. Давайте за Кондратия Ивановича и Александра Ивановича поднимем чистой водицы и изопьём. Они, конечно, в другой жизни видят, как их знания в души людей вошли и закрепились. Пусть их

души спокойно покоятся, а учение и вера процветают, – громко сказал хозяин дома, и поднял высоко над собой красивый хрустальный стакан с водой.

За ним все присутствующие гости подняли бокалы и, пригубив воды, дружно закричали: «За Кондратия Ивановича и Александра Ивановича поднимем чистой водицы и изопьём. Пусть их души спокойно покоятся, а учение и вера процветают».

Затем гости присели за стол и начали угощаться. Некоторое время все молча и сосредоточенно кушали хозяйское угощение. Слуги сновали тихо и уверенно, подливая уху, убирая пустые тарелки, подливая воды и соков, меняя полотенца на коленях присутствующих. После ухи прозвучал новый тост.

– Братушки разлюбезные! Потом, за чаем, обсудим наши беды и радости, пути и дороги. Спасибо за веру, которую вы в людях сеете. Придёт время, и армия в сто сорок четыре тысячи соберётся и придёт. Придёт и наведёт порядок на нашей земле, будет вершить праведный и честный суд. Давайте, братушки, вспомним всех неправедно отправленных на каторгу и посаженных в тюрьмы. Но мысли наши и мечты сбылись. Нет больше государя Александра II, погиб, поражённый праведной бомбой. Много он нас преследовал, но время его закончилось. Все вы знаете, что с нашей помощью и нашими деньгами свершилось правосудие на земле, – радостно заявил Главный Кормчий, купец Непогодин, и призвал вновь пригубить бокалы с водой.

– Позволь, Главный Кормчий, стих прочесть про Великого Кормчего, Кондратия Ивановича. Не откажи, – попросил хозяина один из присутствующих.

– Читай, читай, родимый. Спасибо, что помнишь, – с лицемерной улыбкой заявил Непогодин.

Купец с большим животом и покрытыми маслом завязанными на затылке волосами встал и тонким голосом, со слезами на глазах прочёл:

«Благослови наш Искупитель,
Сударь Батюшка родимой!
Колоколь твой зазвонити,
Птицу райскую сманити,
Про твои страды велики,
Горючи слезы пролити;
Как тебя, наш Искупитель,
Били-мучили Иудеи;
А все злые фарисеи
Не дали места в России.
На твою пречисту плоть
Налетали чёрны враны,
Наделали многи раны,
Отослали в дальни страны,
Во Иркутскую губерню...».

Не договорив полный текст стихов, он сел на свое место, горестно заплакав.

Большинство общества одобрительно зашумело в поддержку, выражая одобрение, но некоторые улыбнулись, пряча презрение в уголках губ.

– Спасибо тебе, Кондратий Михайлович. Пусть на орловской земле такого не произойдёт. Пусть вера убеления всегда будет процветать. А жеребцы мирские пропадут пропадом. Давайте за это и выпьем водицы, – заявил Артемий Афанасьевич и вновь призвал всех пригубить бокалы с водой.

Насытившись, гости вальяжно развалились на мягких стульях. Слуги быстро убрали со стола ненужную снедь, накрыли по-новому. Появились вычурные сладости, чай и сладкие напитки. Компания приступила к серьезному разговору. Беседу вёл хозяин, Артемий Афанасьевич.

– Вот что, братушки! Начну я с наших дел. Надо принять общие решения, как нам в разных местах единую волю общины проводить. Как приблизить наш праздник и праведный суд над пропащими людишками-жеребцами. Хочу сказать, братушки, что новые осветлённые приходят и принимают печати, проходят огненное крещение. Однако мало их, мало мы трудимся. Надо бы подумать и больше денег вкладывать в крестьянских деток. Давайте назначать разъездных агентов из самых лучших братушек. Пусть ездят по сёлам и деревенькам, рассказывают крестьянам о нашем процветании. О веровании нашем, призывают прекращать грехи, принять огненное крещение, побороть плоть человеческую. Особенно надо деток в истинную веру приводить, тогда и община будет молодой и вечной. Денег надо давать отцам и матерям. Если они не хотят в истинную веру убелиться, тогда пусть детей отдают. А вы им деньги за это. Что скажете, братья? – уточнил купец.

– Правильно ты, Главный Кормчий, говоришь. Верно советуешь! Я уже так и начал у себя в Калужской губернии делать. Двух братьев назначил, денег дал. Сами они лицом пригожие и румяные, одеты красиво. Образованы и говорливы, люди им верят. Но аккуратно надо дело делать, полиция не дремлет, вначале присмотреться, приглядеться нужно, понять, чем дышат, чем живут. А потом уж и предлагать вечную жизнь и чистоту. Только огненное крещение не в сёлах проводить надо. Если погибнет такой малец, беда будет. Или денег надо будет дать в десять раз больше, или вообще полиции выдадут, а тогда каторга. К себе надо вывозить, в тайные места, там и убелять, привлекая сведущих лиц, и сразу под корень. Если удачно проходит, то приживаются эти бывшие крестьянские детки. Родителей и не помнят, а что им помнить-то, стол сытый, одежда справная. В поле работать не надо, – встав, высказался один из гостей.

– Вот, прислушайтесь, братья! Так всем делать надо. Чем больше ваши корабли в губерниях, тем больше в империи флотилия! Может, есть ещё какие советы? Кто желает сказать слово мудрое? – уточнил Артемий Афанасьевич.

– Есть, батюшка Главный Кормчий. Я вот что у себя во Владимирской губернии делаю. Один наш брат специально на ростовщичестве служит. Тем, кто в долгах и расстройках хозяйства находится, предлагает принять первое убеление, частичное лишение ключей ада. Многие соглашаются, а где первое лишение яиток, там и второе. Потом приглашаем новичков, недавно лишённых мужских причиндалов, на радения. Такой человек посмотрит, посмотрит и решится на полное убеление. Так как всем известно, нет удесных близнят и греховного ствола, нет причинного места, нет и греха. За это мы его долги прощаем. Или выкупаем эти долги у неправедных и денег на своё дело даём. А чтобы всё получилось в коммерции и в торговле, брата-наблюдателя ему приставляем на год-два, – поделился своим путём привлечения в общину владимирский купец.

– Вот, братья, вам и путь! Молодец, настоящий ты Кормчий, – удовлетворённо похвалил выступавшего Непогодин, – кто ещё поделится мудростью?

– Можно я? – заявил рязанский Кормчий.

– Говори, Иван Михайлович, говори. Будь добр, сердечный! – поддержал хозяин дома.

– Мы, батюшка Главный Кормчий, вот как делаем. По солдатикам смотрим, они же служивые, поэтому бедствуют. Тяжело им, горемычным, служба, ляпка солдатская тяжёлая. Хочется им отдушину иметь. Приближаем мы их, подкармливаем, семьям помогаем деньгами. Они к нам и отходят. Многие уже оскопились, первую печать на себя наложили. Уверовали в нас и наши помыслы.

– Это правильно. Ещё покойный учитель наш Александр Иванович Шилов пример нам показал хороший, когда в ссылке в чужой стороне был. Он смог одним праведным словом унтер-офицера, который его охранял, в веру обратить и тут же убелить. Лишить его греха плоти. Там, в Шлиссельбургской крепости, многим повезло из рук самого Александра Ивановича веру почерпнуть. Человек десять он подверг огненному крещению, а то, может, и больше. Ни власти, ни надзор остановить праведное дело не смогли. Надо все возможности использо-

вать. Учитель наш, Кондратий Иванович, за свою долгую и праведную жизнь сам собственноручно больше ста человек огненному крещению подверг.

– Как в Орле, Кондратий Михайлович? Как у вас дела идут? Много ли новых членов на корабль вошло? Поделитесь, поучите всех. Может, полезно будет кому из присутствующих? – спросил купец Непогодин.

– Что касаясь солдат, займов и крестьянских детей, то у нас на это работа налажена. Но у нас, батюшка, ещё и два постоянных двора имеется. Мы, конечно, очень осторожно себя ведём, но всё же умудряемся корабль пополнять. Девочек красивых мы наняли на службу вместо половых. Вначале долго с ними беседовали, к истинной вере приобщали. Смогли, приняли они огненное крещение первой печати. Теперь привлекают молодых да ретивых. Тех, которые больны лепотой женской. Пообщаются с месяц, другой с девицами, а потом и соглашаются на первое огненное крещение. Оно-то плотскому не особая помеха. Где первое, там и второе, через грех к святости идём. Вот так-то, батюшка! – ответил орловский Кормчий.

– Это не по правде учения. Это отступление от заповедей братушек и исповителей, Селиванова и Шилова, – заявил один из приглашённых.

– Что ж тут неправильного? Всё правильно, если новые члены прибывают в круг корабля, – ответил Артемий Афанасьевич, – а скажи, Кондратий Михайлович, как проводите крещение? Много ли гибнет людей?

– Нет, батюшка, немного, за этот год только одного похоронили. Умер, не приходя в себя. Человечек у меня появился, веру принял. Немного в медицине понимает. Огненное крещение проводит быстро и чисто. Заживает плоть что у мужиков, что у баб. При этом настойки всякие использует с ядовитыми грибами, волчьей ягодой, болиголовом. Иной человечиска заснёт, а проснётся уже на пегом коне.

– Молодцы! Берите пример, братья, с голубей орловских. Я тоже поделюсь московским знанием. Скупаем мы все воровские вещи из драгоценных металлов, для этого специальных скупщиков держим. Переплавляем через наших ювелиров и продаём жеребцам мирским, доход хороший. Монеты старого чекана за бесценок скупаем, а затем на серебро их. Цена в изделии в два раза, а то и в три против покупочной возрастает. Посмотрите у себя, кто такой порядок не завёл, может, подумать пора об этом.

– У нас в Костроме давно так, – заявил один из гостей-купцов.

– Вот видите, Илья Прокопович давно своим умом дошёл до разумной мысли. Да, братья, нам осторожными быть нужно. Дам я всё же наставления вам, хотя уверен, что и сами всё знаете. Однако напомним всё же. С чужими, жеребцами и кобылицами, надо таясь себя вести, в свои дома да в душу не пускать. Собак держите, да и ворота на замке. Ставни особо открывать не нужно, мирской человек-жеребец всегда на чужое добро с завистью поглядывает. Меж собой ссоры сразу пресекать, а то иной раз свой, общинный братушка из-за злобы или обиды пакость может задумать и сделать. Женщины, принявшие веру и огненное крещение, под надзором должны быть. Баба, она всегда баба, язык впереди ног бежит. Осторожней с властями, вспомните уважаемого моршанского купца Птицына. Всё у него было. Денег куры не клевали. Общество признавало и наградами баловало. Но жена одного из братушек, известного своей любовью и преданностью вере, предала его. Три девицы, которых он ввёл в веру, родителям рассказали, а те тамбовскому губернатору донесли. Не помогли ни расшитый золотом мундир бургомистра, ни регалии почётного жителя и гражданина, ни деньги, пожалованные на благотворительность. Понаехали враги из жандармского управления, и где он сейчас? Умер в ссылке, на каторге. Пострадал безвинно за веру и огненное крещение. Деньги все потерял, хозяйство разрушилось. Как завещали наши учителя, богатство наше наследовать должны только те родственники, кто принял веру и имеет печати. Если нет таковых, пусть наши братушки, завещают всё духовным братьям по вере. Детей меньше заводите. Говорите братьям о том, что от них одно разорение, учите слабых и заблудших. Так наши батюшки-исповители

Кондратий Иванович и Александр Иванович нам завещали. Чужих детей для нашей веры хватит. Молитв ничьих не читайте, а когда в церквях бываете, не слушайте, и братьям с сёстрами наказывайте. Помните, нет геенны огненной, и нет терзаний после смерти.

Ещё долго беседовали гости за столом, обмениваясь новостями. Много было высказано советов и пожеланий. Наконец-то вечер начал подходить к концу. Все темы были изложены и переговорены. Артемий Афанасьевич встал и подал знак сидевшим, разговоры затихли.

– На этом наше собрание предлагаю окончить. Всем спасибо за оказанную денежную помощь, всё пушу на развитие нашего дела, да на подкуп властей. Предлагаю, братушки, остаться ночевать у меня, под каждого комната подготовлена. Под каждого слуга имеется. Если нет желания оставаться, то мои экипажи стоят у ворот. А на дорожку или на отдых давайте нашу любимую песню-стих послушаем в исполнении нашего молодого братца. Именно ту, где говорится о нашем батюшке Кондратии Селиванове и его встрече с императором Павлом Первым. Не послушал он искупителя, вот и умер насильственной смертью, – закончил Артемий Афанасьевич и подал знак слугам.

Вошёл молодой парень в хорошей одежде и, сосредоточившись, начал петь тонким голосом кастрата:

*«А Царь сердцем встрепенулся,
На отца он ужаснулся.
И заплакал, затужил,
Всё собранья нарушил.
Послал скорого гонца
Отыскать своего отца:
Чтоб представить бы в столицу
Со иркутской со границы.
Скоро это сотворил,
К отцу двери растворил.
Он вошёл со бурным духом
И сам гордо говорил:
«Сотвори волю мою!
Теперь я имею власть:
Возведу тебя на трон,
Отдам скипетр и венец,
Если только мой отец».
Наш Батюшка Искупитель
Глаголил слово с высоты:
«Что греху я не отец,
Разорить пришёл в конец:
Чистоту буду любить,
Грех хочу весь погубить;
А во праведной семье
Буду в трубушку трубить,
Всех поставит, утвердить!».*

Последнее четверостишие присутствующие за столом пропели вместе с певцом, встав и положив руки на плечи друг друга. Пропели трижды, тонкими фальцетами, раскачиваясь из стороны в сторону. Затем певец продолжил:

*««А царь жёстко осерчал,
забыл первой свой начал:
Затворил он крепко двери.
«Не хочу быть в твоей вере;*

*А за этот за мешок
Пошлю в каменный мешок!».
Наш Батюшка Искупитель кротким гласом провестил:
«О! Я бы Павлушку простил!
Воротись ко мне ты, Павел,
Я бы жизнь твою исправил».
А Царь гордо отвечал,
Божества не замечал,
Не стал слушать – и ушёл,
да покоя не нашёл.
Наш Батюшка Искупитель
Своим сердцем вздохнул,
Правой рученькой махнул:
«Пади, земная клеветина,
К вечеру твоя кончина!
Я изберу себе слугу, Царя Бога на кругу,
А земную царску справу
Отдам кроткому Царю.
Я всем тронам и дворцами
Александра благословлю:
Будет верно управлять,
Властям воли не давать...».²*

Последнее четверостишие опять подхватили гости и вновь, встав, вместе пропели три раза. Затем, степенно простившись с хозяином, убыли в дорогие московские гостиницы, чтобы, отдохнув, с утра убыть по домам: Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Орловскую, Калужскую, Тульскую и другие губернии. В гостеприимстве и экономии денег они не нуждались, все были очень богатыми людьми. Хозяин проводил всех, поцеловал на прощание, обнял. Гости грузно и медленно закинули тучные, обрюзгшие тела в экипажи. Безбородые кучеры с провисшими щеками бодро заскочили на козлы. Не мешая друг другу, получив приказ от клиентов, начали разъезжаться по улицам Москвы. Хозяин, проводив всех, вернулся в столовую. Остался только один из гостей, терпеливо ожидавший Непогодина, старший общины из города Тулы. Главный Кормчий присел к нему за стол, внимательно заглянул в глаза.

– Давай, братушка, поговорим по душам. Всё ли получилось, что обсуждали раньше? – уточнил Артемий Афанасьевич у ожидавшего его гостя.

– Всё получилось удачно, как и задумывали. Бумаги у меня. Поможем нашим братьям в изгнаниях и искупителей наших вытащим из ссылки. А многих и из тюрем удастся освободить. Деньги тоже готовы, кому передать? – уточнил оставшийся гость.

– Хоть и уговаривал я тебя не делать этого, умолял, но ты сам решил и сам всё сделал. Опасность великая в это деле, костей можем не собрать. Боязно очень, но уж коли всё исполнено, посмотрим, как воспользоваться. Прямой шантаж правительства не применить никак. Много больше врагов наших, чем друзей. Но аккуратно попробуем, а если не получится, то передай вместе с деньгами все эти бумаги курьеру от братьев из Румынии. Там сейчас самая активная борьба разворачивается. Глядишь, и придёт из этой страны огненное крещение на всю нашу державу. Но если что – меня не марай, иначе всё большое дело враз погибнет.

² «Скопческие духовные песни и нечто из богослужений скопцов в России» Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1879, с.15—17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.